

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТСКОГО СООБЩЕСТВА г. ТОМСКА В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 г.

Исследование выполнено в рамках государственного задания подведомственных Минобрнауки РФ образовательных организаций по проекту 33.1687.2017/ПЧ «Интеллектуальный и ресурсный потенциал Северной Азии: исторический опыт развития и ответы на вызовы современности».

На основе архивных документов, периодической печати, источников личного происхождения и исследовательской литературы реконструируется повседневная жизнь университетского сообщества г. Томска в период революционных событий 1917 г. Отражается реакция профессорско-преподавательского состава и студентов на революционные события в Петрограде, а также на приход к власти большевиков. Анализируются попытки студенчества и младших преподавателей получить представительство с правом решающего голоса в Совете, факультетах и других структурах университета и их влияние на повседневные практики взаимоотношений внутри сообщества. Раскрываются материальное положение университета, изменения, происходившие в нем в связи с открытием новых факультетов. Характеризуется участие представителей университетского сообщества в общественно-политической жизни города и страны.

Ключевые слова: Томск; революция 1917 г.; университет; повседневность; студенты и профессора.

Императорский Томский университет (ИТУ) в начале 1917 г. имел статус первого университета в азиатской части России и поэтому играл ключевую роль в деле образования и науки в обширнейшем регионе на востоке страны, оказывая большое социокультурное влияние.

К началу 1917 г. в штате университета числилось 26 ординарных и 15 экстраординарных профессоров, 18 прозекторов и их помощников, 29 старших и младших ассистентов, ученый садовник, а также библиотекари, аптекари, учебно-вспомогательный персонал [1. С. 8–24, 26–27].

На 1 января 1917 г. на медицинском и юридическом факультетах ИТУ (с открытия в 1888 г. в университете был всего один медицинский факультет, в 1898 г. открылся юридический факультет) обучалось 960 студентов, 177 слушательниц, 59 вольнослушателей и вольнослушательниц. Среди них по сословному делению больше всего было мещан (249 чел.), дворян и детей чиновников (225 чел.), детей духовенства (217 чел.). Меньшее представительство в учебном составе университета имели военные сословия, купцы, крестьяне, инородцы, цеховые и др. Что касается конфессионального состава, то большая часть студенчества были крещеными православными (749 чел.). Среди студентов также были иудеи (137 чел.), католики (33 чел.), лютеране (20 чел.), старообрядцы (1 чел.), мусульмане (6 чел.) и др. [1. С. 30–31].

На жизнь, особенности быта и повседневных коммуникаций студентов, преподавателей и служащих университета отпечаток наложила Первая мировая война. Несмотря на географическую отдаленность от театра военных действий, она вошла в жизнь университетского сообщества, давая о себе знать не только в военных сводках, публиковавшихся на страницах местных газет, но и через понижавшийся уровень жизни, набиравшую темпы инфляцию, постоянные ожидания призыва в действующую армию не только студентов, но и части преподавателей и служащих университета. В начале 1917 г. явке к исполнению воинской обязанности подлежали 59 студентов, 509 пользовались отсрочкой [Там же. С. 31]. Под при-

зыв попадали в первую очередь студенты-медики. Учитывая высокое значение данной профессии, с началом войны в университете была введена так называемая ускоренная подготовка медиков через сокращение времени обучения до 8 и 9 семестров.

Непосредственным выражением поддержки действующей армии со стороны профессоров и служащих университета было участие в коллективных подписках на военный заем [2. Л. 2], в пожертвованиях в пользу раненых и больных воинов [3. Л. 55]. Нередко выделялись и специальные средства университета для лечения больных в госпитальных клиниках. Часть профессоров, преподавателей и научных сотрудников медицинского факультета командировались на театр военных действий для работы в госпиталях. Среди них были профессора Н.И. Березнеговский, В.Н. Саввин, П.П. Авроров, Г.М. Иосифов, Н.В. Вершинин, А.А. Кулябко, приват-доценты А.М. Никольский, В.П. Миролюбов, П.М. Караганов [4. С. 78; 5; 6. С. 15, 17, 20, 26].

Профессор-физик А.П. Поспелов по заданию Главного артиллерийского управления разрабатывал актуальную в то время проблему борьбы с удушливыми газами, занимался организацией производства безводного цианистого водорода, металлического натрия и перекиси натрия, а также созданием защитной маски от удушливых газов [6. С. 126].

Еще 11 декабря 1916 г. приказом Верховного начальника санитарной и эвакуационной части «для снабжения потребным количеством овощей на весь будущий год раненых и больных воинов и, в мере возможного, малоимущего населения» при всех лечебных заведениях необходимо было организовывать огородное дело. Приказ этот касался и университетских клиник.

Как отмечал по этому поводу директор Ботанического сада профессор В.В. Сапожников, университетская территория не обладала «достаточными открытыми площадями для закладки огородов в серьезных размерах, так как большая часть пространства, не занятого постройками, была покрыта древесными посадками» [2. Л. 9]. Земли университетского ботсада

обыкновенно использовались для испытаний семян огородных и лекарственных растений. Более благоприятными для реализации вышеуказанной инициативы представлялись газоны университетского сквера. Мешал этому воинский постой: обучение низших чинов происходило тогда нередко прямо в пределах Университетской рожи [2. Л. 9, 13–13 об.]. Дело в том, что с началом войны Томск стал местом подготовки резервных сибирских полков. Одно время число военных, расквартированных в городе, доходило до 70 тыс. чел., тогда как население тогда насчитывало немногим более 100 тыс. чел. По некоторым данным, к 1917 г. число солдат в городе значительно сократилось [Там же. 204 об.].

В своем обращении к ректору университета по этому поводу В.В. Сапожников отмечал, что «в виду доступности университетского сквера для посторонних, необходимы сторожа для охраны огородных насаждений» [Там же. Л. 9, 13–13 об.]. Однако в феврале Правление университета отклонило проект устройства в университетском сквере огорода [3. Л. 45].

В январе 1917 г. газовый завод технологического института «ввиду отсутствия каменного угля для выработки газа» временно вынужден был приостановить свою работу, из-за чего прекратилось снабжение зданий университета [2. Л. 4]. Из-за дефицита каменного угля университетская электростанция работала в то время на нефтяном или керосиновом топливе. По причине этого она не могла давать достаточно электричества для физических опытов, проекционных фонарей и вентиляторов в учебно-вспомогательных зданиях университета. Правление вынуждено было ходатайствовать о выделении средств на приобретение двигателя для динамо-станции, предназначенного специально для топки нефтью и керосином [3. Л. 51 об., 102]. Для решения «энергетической проблемы» рассматривался и был принят для реализации вопрос об «освещении университетских зданий от электрической станции Товарищества технико-промышленного бюро и К^о для электрического освещения в Томске» [3. Л. 52 об., 70 об.].

Перед университетом стояла проблема нехватки дров (их отпуск для отопления квартир и учебно-вспомогательных учреждений производился по особым карточкам). В целях экономии Правлением приобретались энергосберегающие лампочки, временами трудно было находить подходящий по цене материал для пошива форменной одежды служащих университета.

Недостаток финансирования неоднократно вынуждал руководство университета обращаться к так называемым специальным средствам вуза – неприкосновенным капиталам [Там же. Л. 2]. Формировался он из доходов ИТУ, в основном от платы за учебу студентов.

Вместе с тем сохранялось и традиционное для университета содержание учебной и научной жизни. На медицинском и юридическом факультетах в январе 1917 г. проводились зачеты и коллоквиумы, экзамены по «полукурсовым предметам». На выпускных курсах, как сообщала газета «Сибирская жизнь», читались лекции [Там же. 15 янв.]. В те же январские дни студентам выдавалась

стипендия за декабрь. Январские стипендии предполагалось выдать только после 20 января [7. 17 янв.].

К началу 1917/18 учебного года планировалось долгожданное открытие двух новых факультетов: физико-математического и историко-филологического (представление Министерства народного просвещения по этому поводу было подписано министром Игнатьевым еще в августе 1916 г.). Однако их открытие затруднялось тем, что главное здание университета, общежитие и отчасти клиники были отданы под воинский постой [Там же].

Таким образом, изменения в повседневной жизни университетского сообщества начались еще в 1914 г. и были связаны с разразившейся войной. Что касается революционного 1917 г., то воспринимать его в рамках исследуемой проблемы можно как новый этап в процессе этой трансформации.

Заметим, что грядущие изменения предчувствовались городскими обывателями еще накануне событий Февраля. Сошлемся на дневниковые записи 18-летнего студента горного отделения Томского технологического института (ТИ) П.А. Леонова (в будущем доцента Томского политехнического института). В них непосредственный свидетель времени откровенно высказывает свое скептическое отношение к возможному успеху России в продолжавшейся войне. Узнавая из газет об отступлениях русской армии, он делал такого рода заметки: «Теперь потеряна надежда на фактическую победу»; «Война все более действует своей обратной стороной»; «Нет веры в победу» [8. Л. 16 об., 19, 23]. Он зафиксировал тяжелое хозяйственное положение в городе, сложившееся к началу 1917 г. 20 января он отметил: «Беспорядки и разруха растут. У нас в Томске, который мукой снабжает даже Восточную Сибирь, нет муки... Это происходит в Сибири, в стране хлеба и мяса! Надо искру, чтобы только зажечь пожар. Кажется, уже были столкновения с народом. Около мучных лавок стоят полицейские и патрули. Дороговизна начинает всех возмущать. Все прекрасно видят, что причина беспорядка – разруха. Как озлоблен народ за продовольственные неурядицы – трудно передать» [Там же. Л. 34–34 об.]. Спустя 10 дней, 9 февраля, он развивает эту тему следующим образом: «Не обратил до сих пор внимания на ту фактическую сторону продовольственной неразберихи, которая наблюдается у нас в Томске. Томск не имеет уже муки. Выработка белой запрещена губернатором. Продаются только черную муку с отрубями (15 фн. на чел.). Но даже этой муки не хватает. У лавок стоят длинные хвосты... Поговаривают о недостатке топлива. Уголь под носом, а тут его и нет» [Там же. Л. 46–46 об.].

Записи студента, сделанные в январе–феврале 1917 г., о «надвигающейся революции» [Л. 33], риторические вопросы о том, «когда же это все прорвет» [Там же. Л. 9], можно считать не за интуитивные предчувствия, а за прогнозы, сделанные им в результате анализа социально-экономической обстановки в Томске и в стране в целом. Тот факт, что настроения эти носили всеобщий характер, подтверждают другие дневниковые записи, касающиеся имевших место разговоров на тему грядущих событий в столице. Так, еще 13 февраля он отметил: «Что-то ходит слух и пришли вести, что рабо-

чие хотят устроить демонстрацию перед Зимним дворцом и Думой. Не знаю, что оно даст. Выкатит правительство пулеметы, и все долой. Надо сказать, что мы накануне больших событий» [8. Л. 54 об.].

Известия о февральских событиях в Петрограде всколыхнули жизненный мир университетского общества и городского населения в целом. Проявилось это в череде стихийных народных митингов, состоявшихся в Томске в начале марта.

Первые телеграфные сообщения о революции в Петрограде были получены в Томске 1 марта. Опасаясь сокрытия местными властями информации о событиях в столице, томичи в тот день собрались у дома, где проживал местный губернатор Дудинский, а затем у редакции газеты «Сибирская жизнь». 2 марта особыми выпусками были опубликованы и распространены телеграммы с известиями о революции [9. С. 125–126].

По воспоминаниям свидетеля событий, в тот день все улицы были заполнены людьми: «...заметно было большое оживление на Почтамтской», «уйма публики» собралась на набережной р. Ушайки, в районе так называемого треугольника у моста, был «запружен толпой Ямской переулочек». Чтение телеграмм сопровождалось «громким подъемом». Студент П.А. Леонов в тот день отмечал в дневнике: «Домой я не шел, а прямо бежал. Хотелось поскорее поделиться громадной новостью... Лица у всех радостные и, пожалуй, бодрые. Верится в силу народную, в лучшее будущее. Хочется верить в благополучный исход революции. Все этого страстно желают» [8. Л. 80–82]. Митинги и стихийные сходки продолжались все последующие дни. Возле университета собирались солдаты с красными флагами и транспарантами, вместе с ними были и студенты. Войска гарнизона в те дни выступили с одобрением революции, а 4 марта состоялся их парад от Томска I до Бульварной улицы (ныне пр. Кирова) и Соборной площади (ныне Новособорная).

Для поддержания порядка в городе еще 2 марта был учрежден Комитет общественного порядка и безопасности, куда вошли 5 представителей Томской городской думы и 5 временно уполномоченных от «демократического населения» Томска. Началась организация солдатской и гражданской милиции. Значительное число студентов выразило желание записаться в нее. Было создано центральное бюро студенческой милиции [7. 5 марта].

«Сибирская жизнь» от 4 марта на двух полосах опубликовала материалы, посвященные созданию Временного правительства, отречению Николая II и т.д. [Там же. 4 марта].

Февральская революция для значительной части профессорско-преподавательского состава и студентов Томского университета стала событием позитивным. За подписью ректора профессора-гинеколога И.Н. Грамматикати были отправлены приветственные телеграммы на имя председателя Государственной Думы Родзянко, председателя Совета министров Львова, руководителя Министерства народного просвещения Мануйлова. В них использовались такие фразы и словосочетания, как «обновленная страна», «освобожденная Россия», «завоевание свободного культурного развития», «свободная страна», что,

несомненно, свидетельствует об одобрительной и даже восторженной реакции на произошедшие в стране изменения. Так, в телеграмме Временному правительству отмечалось: «Профессора, младшие преподаватели и служащие Томского университета горячо приветствуют новое правительство и считают своим гражданским долгом полностью поддерживать его программу» [2. Л. 74]. С участием профессоров и прочих служащих университета утром 11 марта в университетской церкви прошли литургия и молебен «о внутреннем умиротворении страны с предварительным прочтением Манифеста об отречении» царя [Там же. Л. 77].

Еще 2 марта была создана временная студенческая организация города, позднее – совет представителей и исполнительный комитет для реализации постановлений совета. На следующий день в 10.00 в корпусе ГТИ с согласия директора института профессора И.И. Бобарыкова состоялась первая общестуденческая сходка. По воспоминаниям участников, в ней приняли участие около 2 тыс. чел. Студент П.А. Леонов в те дни писал о сходке: «Публика прибывала и прибывала. Давно уже не было у нас такого оживления многолюдства. Масса студентов, пестреют курсистки... Порядок был сравнительный. Обычная перебранка отсутствовала» [8. Л. 85 об.]. Председателем был избран студент-медик Лебедев. В принятой резолюции студенты «высказывали сочувствие новому строю, образование Временного правительства признавалось как первый шаг к широким реформам, далее требовалась организация Учредительного собрания» [Там же. Л. 86 об.].

Несмотря на царившую в зале эйфорию и моральный подъем, радикальностью отличались выступления лишь двух участников: одного студента и рабочего-ссылного, вернувшегося из Нарыма. Большая часть выступавших вела себя спокойно и организованно. Это отразилось и в тексте резолюции, опубликованной в «Сибирской жизни» на следующий день. В ней говорилось: «Сплоченность и организованность являются первым требованием момента, и поэтому мы приглашаем студентов воздержаться от единичных и неорганизованных выступлений и помнить, что сохранение спокойствия является теперь первой необходимостью» [7. 4 марта]. 4 марта в здании университетской библиотеки «для обсуждения текущего момента» состоялось общее собрание студентов университета [Там же].

Таким образом, в первые дни революции жизнь университетского сообщества Томска, прежде всего самой активной ее части – студенчества, была в состоянии подъема. Это проявлялось и в возросшей активности общественных и научных организаций университета: юридического общества, различных землячеств и т.д. Устраивались дискуссии, читались лекции, в том числе на политические темы, привлекавшие большое количество слушателей. Актовый зал университета стал одним из наиболее востребованных мест сбора студентов и преподавателей [10. С. 196].

6 марта министр А.А. Мануйлов в телеграмме попечителю Западно-Сибирского учебного округа призвал «попечительный и педагогический советы и ро-

дательские комитеты учащихся принять все зависящие от них меры к возобновлению правильных занятий там, где это возможно» [7. 7 марта]. Правда, в ответной телеграмме отмечалось, что в университете в те дни было лишь «неполное число лекций», и учебные занятия не прерывались [Там же. 9 марта].

Произошедшие революционные события не могли не отразиться на жизни университетского сообщества, практиках повседневности профессоров, младших преподавателей и студентов. На взаимоотношения между ними влияло множество факторов, в том числе их общественно-политические взгляды и убеждения, а также становление в то время гражданского общества.

О партийной принадлежности и политических взглядах профессоров, преподавателей и студентов мы можем судить по спискам кандидатов на выборах. Так, среди кандидатов в Городское народное собрание (апрель 1917 г.) значились профессора университета С.В. Лобанов, М.М. Покровский, прозектор Г.И. Макаров, приват-доцент Г.М. Марков, студент-медик В.А. Поздняков (все по списку Партии социалистов-революционеров). Профессор С.И. Солнцев баллотировался от РСДРП (меньшевик) [11. 14 апр.]. На выборах в гласные Томской городской думы в списках от Партии эсеров мы видим фамилии тех же С.В. Лобанова, Г.М. Маркова, Г.И. Макарова, а также студентов Е.М. Дебрёйра, Д.Л. Горбунова, А.П. Беляева, М.В. Нестеровой и Г.Я. Троицкого. От Партии народной свободы (кадеты) избирались профессора С.П. Мокринский и Г.Г. Тельберг [7. 28 сент.]. Последний также баллотировался в депутаты Учредительного собрания. В состав комитета томского отделения Партии народной свободы входили профессор университета Н.Н. Кравченко и тот же С.П. Мокринский, а председателем был избран профессор В.Н. Саввин [12. С. 188]. Своими правыми взглядами был известен и профессор И.И. Аносов, который в рассматриваемый период часто публиковал публицистические очерки на страницах «Сибирской жизни».

На общестуденческих сходках поднимался вопрос о включении в совет представителей политических партий [8. Л. 104]. В городе существовало несколько студенческих партийных фракций.

На очередной сходке студентов высших учебных заведений г. Томска, состоявшейся 20–22 марта (на сходках не всегда набирался кворум, поэтому временами их переносили), обсуждался вопрос об отношении к профессорам. Студенчество, пользуясь приобретенными гражданскими свободами, обсуждало поведение ряда профессоров вузов Томска, их педагогические качества и степень добросовестности исполнения своих обязанностей. В отдельных случаях студенты выносили постановления о «невозможности дальнейшей совместной работы» с тем или иным преподавателем. Такая участь ждала, например, экстраординарного профессора по кафедре прикладной механики и машиностроения ТТИ А.М. Крылова. Студент горного отделения Леонов, участвовавший в той сходке, придя домой, писал: «Сообщали про него массу фактов, рисующих этого господина как человека и педагога. Крылов глумился над студентами, называл их бестолочью, ничего не знающими и не понимающими

ми. Мало того, он не стеснялся на лекции свистеть, зевать и ядовито насмехаться. К своим институтским обязанностям относился поверхностно, невнимательно. Один раз забракует проект, другой же раз примет его же и т.д.» [8. Л. 135 об. – 136 об.].

В Томском университете имел место конфликт между профессорами юридического факультета, в который были вовлечены и студенты. В марте 1917 г. группа профессоров (Мокринский, Прокошев, Тельберг, Кравченко, Солнцев) выразила недоверие декану П.И. Лященко и секретарю факультета Н.Я. Новомбергскому, обвинив их в нарушении «освященного обычаям и юридически единственно допустимого» порядка составления протоколов заседаний факультета и потребовало их отставки. Предлогом послужило то, что П.И. Лященко и Н.Я. Новомбергский не огласили текст протокола предшествующего заседания, а также то, что ими не были внесены поправки с дальнейшим утверждением их на голосовании [2. Л. 112–113].

Вопрос о случившемся обсуждался студентами факультета на упомянутой выше сходке. По ее результатам было постановлено «просить профессоров П.И. Лященко и Н.Я. Новомбергского остаться на занимаемых должностях». В своем обращении студенты-юристы подчеркивали: «Упомянутые профессора за все время своего пребывания на этих должностях в высшей степени внимательно относились к нуждам студентов, всегда помогали им своей охотной, безусловно, беспристрастной помощью старших товарищей во всех затруднительных случаях академической жизни» [7. 22 марта].

Позднее в «Сибирской жизни» было опубликовано письмо студента юридического факультета Роговского с призывом бойкотировать занятия этих профессоров [Там же. 15 апр.]. В дальнейшем на страницах этой же газеты появились письма и заявления ряда профессоров. В итоге профессора Лященко и Новомбергский заявили о своем уходе с занимаемых ими должностей.

Для решения затянувшегося конфликта была создана следственно-ревизионная комиссия в составе И.И. Бобарыкова, двух членов совета университета – В.В. Сапожникова и С.В. Лобанова, а также представителей от младших преподавателей и студентов. После 14 заседаний комиссия пришла к выводу, что группа в составе 5 профессоров нанесла обиду и оскорбление профессорам Лященко и Новомбергскому. В ходе конфликта были нарушены моральные и этические нормы взаимоотношений внутри университетской корпорации. В результате вмешательства студентов обострились их отношения с преподавателями и даже были сорваны госэкзамены. Однако признавалось и то, что «профессор Лященко допустил некоторую непредусмотрительность» [Там же. 16 июня].

Позднее, в июне того же года, Лященко «из-за конфликта с частью профессоров факультета» покинул университет и перевелся Варшавский (Донской) университет [13. С. 157]. Накануне отъезда группа студентов-выпускников юридического факультета вручила ему памятный адрес, в котором, в частности, говорилось: «С чувством искреннего сожаления мы встретили весть о вашем переводе из Томского уни-

верситета... На посту декана вы стояли всегда на страже студенческих интересов... Всеми силами поднимая престиж и авторитет юридического факультета, вы встретили сопротивление тех, кому это было и невыгодно, и ненужно... Теперь, провожая вас мы, ваши ученики, желаем вам всего лучшего на светлом пути служения науки и обновленной страны» [7. 22 июня].

В центре внимания студенчества весной 1917 г. оказался и продовольственный вопрос. В апреле продовольственный комитет Томска пришел к выводу об угрозе голода. В те дни стали организовываться крестьянские дружины для запашек и возделывания огородов. В связи с этим студенческими организациями предлагалось на время прекратить занятия. Сказывался и революционный аспект: прекращение занятий в вузах позволило бы студентам свободно «обратиться к той или иной общественной работе» [8. Л. 175]. В городе активно шла подготовка к выборам, многие студенты участвовали в агитационной работе.

Данный вопрос привлек массу студентов и курсисток вузов города. В ходе очередной сходки он решался во дворе технологического института, где участники сходки разбились на две группы – «ЗА» и «ПРОТИВ». К последним относились в основном так называемые старички – учащиеся старших курсов. В результате после обсуждений большая часть выступила против прекращения занятий и отмены минимума (приблизительно 440 против 330) [Там же. Л. 177–178].

19 апреля состоялось общее собрание студентов-универсантов, посвященное вопросам академической жизни. Одним из пунктов был вопрос об отмене весной 1917 г. экзаменов (минимума) «в виду необходимости для студентов принять немедленное участие в более важной в настоящий момент работе – общественной и сельскохозяйственной» [7. 21 апреля].

В мае на общеуниверситетской сходке был обсужден вопрос о закрытии университета в связи с отказом профессоров медицинского факультета признать необходимым отмену «минимума». Состоявшееся в тот же день частное собрание студентов университета, на котором председательствовал А. Кутузов, приняла резолюцию с требованием старостату пересмотреть вопрос о закрытии университета. Было также предложено обратиться в совет профессоров с просьбой урезать пасхальные каникулы и продлить весенний семестр до 15 июня [Там же. 7 мая]. 10 мая в связи с этим состоялось совместное заседание совета старост университета и советской комиссии вуза в составе профессоров В.В. Сапожникова, П.П. Авророва, С.В. Лобанова, Н.Я. Новомбергского, П.И. Лященко [2. Л. 149].

«Великая Февральская революция, – писал позднее профессор Н.Я. Новомбергский, – принесла России полное раскрепощение. Бесправные академические пилоты – младшие преподаватели и студенты – потребовали представительства в факультетах и Совете, т.е. права участия в управлении университетом. Это было скорее принципиальное требование, чем стремление забрать управление в свои руки» [14. С. 4].

Проявлением самоорганизации в рассматриваемый период стали и попытки студентов приобрести право «действительного участия в строительстве внутренней жизни университета» [15. Л. 4].

Инициативу проявил совет старост Томского университета (старостат). Он выбирался университетским студенчеством для «поддержания связей между корпорацией преподавательской и студенческой», «упрочения внутренней связи в среде студенчества», «участия в направлении экономической жизни университета» (в деле распределения стипендий, ссуд, пособий и т.д.). Формировался он путем выборов (избранным был получивший абсолютное большинство поданных голосов) представителей курсов учащихся (по два от каждого). Выборы планировалось проводить в начале каждого учебного года. Старостат позиционировал себя как автономный орган и допускал на свои заседания членов совета представителей Томской студенческой организации с «правом лишь совещательного голоса». В случае возникновения противоречий формировалась так называемая согласительная комиссия [15. Л. 4–4 об.].

Одним из основных требований совета старост университета было «представительство в Совете профессоров, в факультетских собраниях, в правлении, библиотечной и советской комиссиях – с правом решающего голоса».

Похожие процессы самоорганизации происходили и в среде младшего преподавательского состава Томского университета. Союз младших преподавателей (СМП) университета был сформирован вскоре после начала революции и состоял из приват-доцентов, ассистентов, прозекторов, лаборантов, ординаторов, профессорских стипендиатов и пр. Существовал он за счет членских взносов. Во главе был совет союза, состоявший из 6 членов и 2 кандидатов. СМП проводил как закрытые, так и публичные заседания, на которых рассматривались вопросы о «правовом положении и защите интересов его членов» [Там же. Л. 2–2 об.].

СМП, как и совет старост, требовал не только «права присутствовать на заседаниях Совета университета и факультетов», но и участия своих представителей «в качестве полноправных членов этих коллегий, т.е. с правом решающего голоса» [Там же. Л. 3 об.].

6 мая после обращения студенчества и СМП университета Совет вуза провел заседание, на котором обсуждался вопрос «об их участии в управлении университетом». На нем присутствовали представители студентов и младших преподавателей. После заседания было решено «допустить теперь по два представителя от студенчества каждого факультета в факультетские заседания с правом совещательного голоса» [15. Л. 12]. Стоит отметить, что к тому времени произошли изменения в управлении университетом. Еще в марте И.Н. Грамматикати подал заявление об отказе его от должности ректора [7. 30 марта]. 23 марта исполнение обязанностей ректора было передано профессору В.Н. Саввину [2. Л. 119]. Его преемником стал профессор-ботаник В.В. Сапожников (он был утвержден в этой должности указом Временного правительства от 28 сентября 1917 г. «с 13 мая сего года») [3. Л. 440].

По результатам заседания Совета университета, состоявшегося 13 мая, было решено ввести представителей СМП «с правом совещательного голоса» на медицинские (9 чел.) и юридические (2 чел.) факультетские заседания. Кроме того, профессора «возбуди-

ли ходатайство перед Министерством народного просвещения о скорейшем введении в законодательном порядке» представительства младших преподавателей на факультетских заседаниях, в правлении вузов, в библиотечной комиссии [15. Л. 16–16 об.]. Этим же постановлением на заседания факультетов и Совета профессоров допускались представители студентов. Совет профессоров также поддержал решение медицинского факультета отменить минимум в весеннюю сессию и отложить сдачу экзаменов до 10 декабря [11. 18 мая].

Решить вопрос представительства с решающим голосом предполагалось в ходе организованного Министерством народного просвещения Совещания по вопросам высшей школы, состоявшегося 12–16 июня 1917 г. В качестве делегатов от Томского университета на него выезжали профессор В.В. Сапожников, В.Н. Саввин, а также приват-доцент П.А. Ломовицкий [2. Л. 167]. Несколько ранее, 7–10 июня, «вопрос о связи в высшей школе между различными группами преподавательского персонала, а также о связи между преподавателями и студенчеством» уже обсуждался в ходе организованного Московским академическим союзом деятелей науки и высшей школы Всероссийского академического съезда в Москве [Там же. Л. 173].

По итогам Совещания был выработан проект распоряжения министра народного просвещения С.С. Салазкина от 9 октября 1917 г., в котором, в частности, отмечалось, что «студенты не могут быть допускаемы в качестве постоянных членов в заседания Советов, факультетов и правления». Распространялся он на все университеты и высшие технические учебные заведения страны и основывался «на духе решений, вынесенных на упомянутом Совещании по данному вопросу и единогласно принятых им в заседании 16 июня» [15. Л. 20].

Совещание отмечало, что для постоянных коммуникаций между профессорами и студентами «должны быть выработаны формы и установлены органы». Кроме этого подчеркивалось: «...учреждая такие органы, следует иметь в виду сохранение самостоятельности как в работе управляющих университетом и устраивающих научно-учебную жизнь профессорских коллегий (советов и факультетов), так и в деятельности студенческих организаций. Не должно происходить смешение функций между неодинаковыми по опыту и компетенции группами, учащими и учащимися, но необходимо установить между теми и другими правильное взаимодействие» [Там же].

Профессор Н.Я. Новомбергский отмечал: «В июне 1917 г. <...> постановлением совещания студенты совершенно устранены из факультетских и советских собраний, а младшие преподаватели допущены на различных основания в зависимости от категории, к которой они принадлежат. Был посеян ветер. Пришлось бы пожать бурю... Университет будет крепко только при тесном единении профессоров, младших преподавателей и студентов, связанных общими правами и общественностью» [14. С. 4].

Тем не менее «постоянное общение профессорских коллегий со студенческими организациями» признавалось «в условиях переживаемого времени не

только крайне желательным, но и необходимым». Для этого предполагалось, с одной стороны, использовать студенческие советы старост, а с другой – временные профессорские факультетские комиссии, создаваемые в связи с необходимостью решить тот или иной вопрос. Комиссии для решения конкретных проблем могли устраивать совещания «с представителями студенческих факультетских академических коллегий» [15. Л. 21]. Также предлагалось налаживать взаимодействие студентов с советскими и библиотечными комиссиями и прочими структурами вуза.

Этим был закрыт вопрос об участии представителей студентов в прямом управлении университетом. За студентами сохранялось право создавать научные, литературные, художественные кружки и экономические союзы. Советы и факультеты были обязаны предоставлять им помещения в вузах. Для удовлетворения бытовых потребностей учащихся и для деятельности кружков и союзов было решено создавать студенческие дома. Планы по созданию Томского студенческого дома обсуждались еще в марте 1917 г., для этого организовывался сбор пожертвований [7. 15 марта].

Таким образом, революционные события 1917 г. в Томске привели к широкой гражданской самоорганизации студенчества и младшего преподавательского состава. Они отстаивали свои права в университете через выборные структуры. Это привело к изменениям в порядке повседневных, профессиональных, личных практик взаимодействия внутри университетского сообщества. Решение вопроса о представительстве студентов и управляющих структурах университета в 1917 г. не удовлетворило как большую часть студенчества, так и некоторых профессоров. В дальнейшем он неоднократно вновь поднимался в университете в 1918 и в начале 1920-х гг.

При Томском университете продолжали действовать землячества – объединения студентов и слушателей, приехавших на учебу из одного города, губернии и т.д. Это Енисейско-Красноярское, Амурское, Алтайское, Иркутское, Якутское, Тюменское, Омское, Туркестантское землячества и др. В марте 1917 г. было создано Харбинское землячество [2. Л. 110]. Разрешение на создание данных объединений давал Совет университета после подачи ходатайства и текста устава со стороны студентов. Устав после рассмотрения проректором на предмет соответствия так называемому нормальному Уставу землячества, выработанному советской комиссией вуза, проходил процедуру утверждения. Университет предоставлял помещения для проведения их собраний.

О «географическом разнообразии» студентов свидетельствуют и заявления о приеме или переводе на обучение в университет от студентов или слушателей. В первой половине 1917 г. на заседаниях Правления университета рассматривались заявления о приеме на медицинский и юридический факультеты студентов (или бывших студентов) Юрьевского, Венского (со стороны административно высланных с территории Австро-Венгрии), Варшавского университетов и т.д.

Период лета–осени 1917 г. был отмечен для университета активным притоком заявлений о переводе из отечественных и зарубежных вузов. Они поступали

от студентов, слушателей (слушательниц) Юрьевского, Петроградского, Казанского, Московского, Варшавского университетов, а также из Петроградского психоневрологического института, Петроградских и Киевских высших женских курсов, Харьковского и Московского женских медицинских институтов, Московского и Киевского коммерческих институтов. Как правило, они принимались на юридический и медицинский факультеты с условием своевременной «оплаты ими взноса 25 руб. в пользу университета и по предоставлении всех документов» [3. Л. 357, 364 об., 380] или после «платы за текущее учебное полугодие» [Там же. Л. 331]. Летом 1917 г. в университет были приняты для продолжения учебы студенты Базельского и Бернского университетов [Там же. Л. 297].

К середине августа было подано более 1 тыс. прошений от желающих поступить на первые курсы факультетов университета [7. 13 авг.]. Самый высокий конкурс был на медицинский факультет. Активному притоку абитуриентов способствовало также открытие физико-математического и историко-филологического факультетов, которое, как уже было сказано, было запланировано еще при старой власти. Перед университетом в связи с этим стояли две задачи – освободить главное здание от расквартированного там полка и произвести ремонт до начала учебного года.

Еще до революции Правлением университета был организован конкурс на сдачу подряда «по приспособлению некоторых помещений главного университетского корпуса для надобностей, предполагаемых к открытию двух новых факультетов». Планировалось оборудовать 6 новых аудиторий, закупить для них мебель, сделать междуэтажные перекрытия и т.д. [3. Л. 76 об.–77]. В итоге подряд был сдан крестьянам Калужской и Нижегородских губерний А. Иванову и Е. Шигарову.

Однако подрядчики скоро столкнулись с трудностями. Уже 27 апреля Шигаров указал «на большие затруднения в отношении выполнения больших строительных подрядов» из-за того, что корпус все еще был занят воинским постоем. Правление обратилось в местный гарнизонный совет для ускорения освобождения корпуса [Там же. Л. 197 об.]. В мае гарнизонный совет обещал ректору принять меры, однако обещание это выполнено не было. 15 июня подрядчики заявили, что «вследствие неосвобождения главного корпуса» они слагают с себя ответственность за несвоевременное исполнение подряда [Там же. Л. 256 об.]. Правление вуза после этого обратилось к Комиссару Временного правительства для решения вопроса, но 20 июля получило уведомление от гарнизонного совета, что «главный университетский корпус от военного поста освобожден не будет» [Там же. Л. 288 об.].

Воинский постой не только задерживал ремонтные работы, но и наносил значительный ущерб. Пребывание солдат на территории университета нередко имело своим следствием разбитые окна, а также загрязнение территории мусором (кости, штукатурка, осколки кирпичей). В университетском сквере портились деревья, выламывались кустарники, вытаптывался газон. Поведение «гостей университетской ро-

щи» делало «невозможным посещение ее женщинами и детьми». Исполняющий обязанности ректора университета В.В. Сапожников летом вынужден был обратиться в Томский городской исполнительный комитет в связи с участвовавшими случаями «проникновения в Ботанический сад групп солдат, которые остаются долее установленного времени, т.е. наступления сумерек, и на приглашение сторожей сада оставить сад, отвечают угрозами и ругательствами». «Солдаты, – отмечал Сапожников, – преследуют женщин: так, вчера одной из них пришлось спастись в кухне живущего в саду служащего, и старший садовник должен был вызвать милицию, чтобы разогнать солдат, которые не отходили от дома. Живущие в саду служащие не рискуют вечерами выходить из квартир, а сторожа сада вчера заявили, что, если не приедет на помощь милиция по водворению порядка в Ботаническом саду, они откажутся от охраны сада». Отмечалось, что и гражданские лица «по почину солдат» отказывались своевременно покидать территорию ботсада [2. Л. 204–205].

В связи с этим городской исполнительный комитет принял решение с 23 июля ежедневно посылать наряд из двух милиционеров «для содействия сторожам» [Там же. Л. 206–207].

Правление университета неоднократно и до этого усиливало меры безопасности в вузе. Так, еще в апреле было принято решение «для надзора за входящими и выходящими из Правления университета» приставить одного из курьеров канцелярии. Была усилена и «вооружена револьверами» охрана Правления [3. Л. 177].

В мае после обращения настоятеля университетской домово́й церкви профессора богословия И.Я. Галахова Правление, как «для охраны имущества университетской церкви, так и имущества других учебно-вспомогательных установлений, находящихся вблизи с церковью», увеличило число ночных караульных. Для усиления мер безопасности была замурована одна из дверей, ведущих в церковь из актового зала, а на другую установили дополнительную железную дверь [Там же. Л. 211].

Только 2 августа после многочисленных обращений и ходатайств главный корпус университета был освобожден, хотя часть солдат оставалась в нем. По результатам осмотра отмечалось, что главный корпус «находился в грязном и запущенном состоянии» [Там же. Л. 306 об.]. Лишь 23 сентября здание главного корпуса официально было передано «в ведение правления университета». Для окончания ремонта требовалось совершить еще ряд работ [Там же. Л. 406]. Время было упущено, и начало занятий пришлось отложить.

Однако это не помешало запланированному открытию новых факультетов. Постановление Временного правительства от 23 июля 1917 г. об этом [16. Л. 58] было получено ректором из Министерства народного просвещения в начале августа. Данное событие летом – осенью 1917 г. было знаковым для университета и города в целом. Прием на первый курс 1917/18 учебного года стал рекордным для университета. К началу октября всего было принято на медицинский факультет 530 чел., на естественное отделение – 200, на математи-

ческое – 150, на юридический факультет – свыше 300 и на историко-филологический – свыше 100 чел. [2. Л. 256].

Так как часть кафедр медицинского факультета университета относилась к естественнонаучному профилю, то с открытием физико-математического факультета они влились в его состав. Факультет открылся в составе двух отделений (математического и естественнонаучного) и четырех новых кафедр (органической химии, астрономии, механики, чистой математики) [17. Л. 78]. На вакантные должности профессоров был объявлен конкурс. Занятия на факультете начались со 2 октября и в первое время проходили в аудиториях, кабинетах и лабораториях технологического института, что было связано с незаконченным ремонтом в главном корпусе университета.

Открытие факультетов вызвало приток профессоров в университет. Физико-математический факультет при этом комплектовался в основном из местных кадров. Из технологического института стали преподавать профессора Ф.Э. Молин и В.Л. Некрасов. Должность декана занял профессор-физик П.А. Поспелов.

Что касается историко-филологического факультета, который открылся в составе трех отделений: исторического, филологического и философского, то его состав формировался практически целиком из приезжих преподавателей. Это были ранее работавшие в Петроградском университете Э.В. Диль (кафедра классической филологии), А.А. Гвоздев (кафедра истории западноевропейской литературы), П.Г. Любомиров (кафедра русской истории), бывший преподаватель Петроградских высших женских курсов С.И. Протасова (кафедра всеобщей истории), бывший профессор Ростовского университета А.Д. Григорьев (кафедра русской словесности, декан факультета), а также С.И. Гессен (кафедра философии и логики). По приезду в город в беседе с корреспондентом местной газеты Э.В. Диль заявил, что «Томск по радушию напомнил ему Москву». Благоприятное впечатление на прибывших профессоров произвел как сам университет, так и книжный фонд его библиотеки, особенно отдел по философии [7. 31 окт.]. Занятия начались лишь 6 ноября торжественной лекцией С.И. Гессена, посвященной науке и прочитанной в актовом зале нового здания университетской библиотеки [Там же. 8 нояб.].

Каждым из приезжих в Томск профессоров двигали разные мотивы. Например, С.И. Гессен вспоминал позднее: «Растущие трудности жизни в Петербурге [Петрограде] и надежда на то, что в провинции я смогу больше времени посвятить науке, привели к тому, что я согласился ехать кандидатом в Томск» [18. С. 422]. Позднее он, будучи уже в эмиграции, «с удовольствием» вспоминал годы жизни и творчества в Томске (он прожил здесь до 1921 г.), несмотря на то что и здесь его, наряду с другими прибывшими преподавателями и местными профессорами, ждали нелегкие условия жизни и быта.

Высокая инфляция, рост цен, общее «вздорожание» жизни, вызванное войной» создавали не только финансовые трудности для университета в целом, но также его служащих и учащихся. В 1917 г. профессора университета получали зарплату с учетом прибавок,

предусмотренных законом «О временном улучшении материального положения профессоров Императорских российских университетов...», принятым еще в 1916 г. На вознаграждения приват-доцентов ежегодно Томскому университету выделялось 5 тыс. руб.

Прибавки профессорам назначались «за выслугу лет», а также «за заведование учебно-вспомогательными учреждениями», «за ведение практических занятий со студентами сверх положенного». Конкретный размер вознаграждения и их распределение были в ведении Совета и факультетов университета. Для этого при нем действовала Комиссия по установлению профессорам повышенных окладов и распространению на них привилегий Сибирской службы. Цифра надбавки колебалась от 600 до 1 200 руб. Кроме того, особая надбавка (600 руб.) полагалась профессору богословия, заведовавшему университетской домовою церковью. Им в 1917 г., как уже упоминалось, был И.Я. Галахов. Предусматривались также так называемые процентные прибавки по закону от 22 октября 1916 г., столовые и квартирные [19. Л. 119 об.–120].

Так, например, надбавка ректору (плата сверх содержания должности профессора) составляла 3 тыс. руб. Кроме того, он бесплатно пользовался казенной квартирой [3. Л. 215 об.]. Надбавка проректору составляла 2 тыс. руб., декану – 1 200 руб. В среднем годовое жалованье ординарного профессора с надбавками составляло около 4 500 руб., экстраординарного – около 3 тыс. [19. Л. 119 об.]. Профессор богословия в конце 1917 г. получал 5 100 руб. [3. Л. 518 об.].

Для наглядности приведем цены на томском рынке на период марта 1917 г. Гречневая крупа стоила 7 руб. 60 коп., масло коровье – 42–44 руб. за пуд, сливочное – 44 р. за пуд, хлеб – от 7 до 10 коп. за $\frac{3}{4}$ фунта. Цена за рыбу колебалась от 8 руб. за соленую щуку до 16 руб. за кету и т.д. [20. 4 марта]. Однако в связи с инфляцией цены регулярно увеличивались. С января по декабрь 1917 г. цена пуда пшеничной муки выросла с 3 руб. 35 коп. до 7 руб. 60 коп., пуда мяса – до 20–28 руб., сахара – с 7 руб. 50 коп. до 15 руб. 60 коп. Продукты, оставленные для так называемой свободной торговли, подорожали еще больше (подсолнечное масло, картошка, сено, предметы одежды и т.д.) [12. С. 196].

Особый пункт расходов составляло жилье. В то время определенной группе служителей университета, прежде всего части профессоров, квартиры отводились прямо в зданиях университета. Для семейных служителей предусматривалась отдельная комната с русской печью и плитой. При всех квартирах, как одиноких, так и семейных жителей, устраивались небольшие кладовая, ларь и шкаф для сохранения провизии. Кроме того, для сохранения продуктов служители пользовались и общими погребями. В отведенной семейному служителю квартире имели право проживать только члены семьи. Для экономии энергии в квартирах запрещено было производить стирку чужого белья. Электрическим освещением можно было пользоваться только до 23.00, при отсутствии в квартире электричества пользовались керосиновыми лампами. Подвальные помещения частично отаплива-

лись и в летнее время. Все жители университетских квартир обязывались «вести тихий образ жизни и не доставлять беспокойство своим соседям по квартире» [3. Л. 351–352 об.].

Правление университета оставляло за собой право выселять служащих в случае нарушения правил, предусмотренных Инструкцией для служащих Томского университета, пользующихся казенными квартирами. Так, например, еще в январе была выселена из квартиры в здании анатомического музея жена призванного на службу служителя при кабинете нормальной анатомии [3. Л. 3]. Такая же участь ждала и жену ушедшего на службу швейцара попечителя, занимавшую квартиру в подвальном этаже главного корпуса.

В документах университета отразилось то, что многие квартиры находились тогда в неудовлетворительном состоянии. В ветхом состоянии были квартиры в служебном корпусе над каретниками, в деревянном доме рядом с газовым заводом, а также в деревянном доме в Ботаническом саду. В апреле заведующему ботсадом профессору В.В. Сапожникову даже пришлось оставить свою квартиру для произведения там осмотра «на предмет пригодности для обитания» [Там же. Л. 169 об.]. От профессионального союза низших служащих и архитектора университета поступали сведения о сырости в квартирах в новом здании библиотеки, о необходимости их отапливать и вентилировать в летнее время [Там же. Л. 263 об.].

Несмотря ни на что, в революционном Томске обладание квартирой в университетских зданиях было привилегией. Особым статусом здесь пользовался попечитель Западно-Сибирского учебного округа Н.И. Тихомиров, занимавший тогда 11-комнатную квартиру на втором этаже в южном флигеле главного университетского здания. В 1885–1898 г. здесь жил устроитель Томского университета В.М. Флоринский.

Особенно остро «квартирный вопрос» встал осенью 1917 г., когда университет должен был размещать не только местных и вновь прибывших профессоров, но и массу студентов. Профессор Н.И. Лепорский, например, был временно размещен с семьей в заражном бараке за госпитальными клиниками. 22 сентября Правление университета приняло решение освободить часть комнат в квартире попечителя. Чиновник на некоторое время (до 1 мая 1918 г.) был вправе сохранить за собой 5 комнат с кухней [Там же. Л. 415]. В октябре в его квартире временно поселились Э.В. Диль и С.И. Гессен [7. 31 окт.]. Уже в конце ноября Правление университета попросило Тихомирова полностью освободить квартиру в университете «с момента оставления им поста Попечителя учебного округа». Однако ввиду «недостатка квартирных помещений в Томске» ему было позволено пользоваться квартирой на момент поиска квартиры в городе [3. Л. 520].

Ректором университета В.В. Сапожниковым было произведено анкетирование среди профессоров «по поводу возможности размещения в их квартирах приезжающих товарищей». В результате удалось освободить 7 комнат в квартирах профессоров. «Обоюдно потеснившись, можно будет устроиться в ближайшую зиму», – отметил он в письме товарищу министра

народного просвещения академику В.И. Вернадскому [2. Л. 257 об.].

Еще более тяжелой была ситуация с размещением студентов. В августе для прибывающих учащихся было предоставлено здание Учительского института и помещение студенческой столовой на ул. Черепичной. Они имели право разместиться там только на 3 дня, подыскав за это время другое жилье. Для студентов отводилось также общежитие при фабрике Фильберта [7. 5 сент.]. При старостате и Совете университета были созданы экстренные комиссии для поиска для студенчества съемных квартир, которых в городе было мало, «а если и были, то по очень высокой цене». В местной газете было размещено воззвание к гражданам Томска, «зачастую занимающим одной или двумя персонами пять-шесть комнат, а то и более», о предоставлении жилья для студентов [Там же. 19 авг.].

В конце сентября после обращения студенческой квартирной комиссии Правление университета решило разместить студентов в здании заразного барака и дезинфекционной камеры при госпитальных клиниках университета. Расходы по обустройству возлагались на саму комиссию [Там же. Л. 404]. Однако спустя некоторое время Товарищество технико-промышленного бюро и К^о заявило, что не может подвести к зданию электроэнергию [3. Л. 506 об.]. Тогда правление отправило ходатайство об освобождении студенческого общежития, занятого под воинский постой. Поднимался и вопрос об освобождении для нужд студентов здания ТТИ.

К этому добавились сложности с аудиториями под учебные занятия, особенно для студентов 1-го и 2-го курсов медицинского факультета. Единственная аудитория на 400 чел. (старый актовый зал) к началу учебных занятий на факультете (15–20 сентября) была еще в ремонте. Правлению тогда пришлось «мобилизовать все, что имелось, до нового актового зала и профессорского и студенческого лекториев включительно» [2. Л. 256].

Тяжелые условия жизни и быта, трудности с финансированием, тем не менее, не изменили привычного течения жизни университетского сообщества. В «Журналах заседаний правления» за 1917 г. содержатся сведения об оплате счетов на приобретение картин и альбомов, канцелярских принадлежностей, хозяйственного инвентаря, семян растений для оранжерей Ботанического сада, о средствах, выделяемых на содержание аптеки, специализированных кабинетов при факультетах, лабораторий, клиник. Университет регулярно пользовался услугами томских магазинов «Макушин», «Гадалов», «Штоль и Шмит», Торгово-технической конторы Щенсовича, Сибирского товарищества печатного дела, различных ремесленников и служащих и т.д.

Еще в конце февраля по совету коллег из Москвы и Петрограда (профессоров Д.Н. Егорова, И.Н. Крашенинникова, С.В. Обручева) в университете стали регулярно обращаться к услугам голландских комиссионеров, имевших тогда открытые счета во многих городах России, в том числе и в Томске, для приобретения книг и журналов от иностранных фирм. Данные каналы использовались библиотечной комиссией университета и отдельными профессорами.

Сохраняли свое значение связи университетского сообщества с другими вузами страны и участие его представителей в разного рода мероприятиях в Томске и за его пределами. Так, 21 сентября по случаю чествований в память Н.Г. Чернышевского в Саратовском университете от Совета Томского университета была послана приветственная телеграмма, составленная профессором В.В. Сапожниковым. В августе на Всероссийский поместный собор в качестве делегата от Томского университета выезжал профессор П.А. Прокошев, а в октябре – профессор И.Я. Галахов. На состоявшемся в Томске 6–11 декабря I Сибирском областном съезде представителями университета были профессора А.И. Аносов и С.П. Никонов [3. Л. 532]. Приват-доцент университета Г.М. Марков был избран депутатом Учредительного собрания [Там же. Л. 519].

Сам университет в рассматриваемый период находился в центре общественной жизни Томска. Несмотря на заверения Правления вуза о том, что помещения предоставляются «исключительно студенческим организациям», в зданиях университета нередко заседал Томский временный комитет общественного порядка и безопасности [Там же. Л. 182 об.]. В актовом зале университетской библиотеки проходили съезд врачей Томской губернии (19 августа и 5 сентября), съезд сионистов Западной Сибири (29–31 октября), заседание Томского отделения Российской лиги равноправия женщин, конференция, организованная Центральным бюро профсоюзов г. Томска (22 октября), и т.д. 12–14 ноября в актовом зале университета прошли выборы в Учредительное собрание [3. Л. 569]. При уступке университетских помещений различным организациям Правлением взималась плата: 15 руб. за вечер – за освещение актового зала, 10 руб. – за освещение аудиторий главного корпуса [Там же. Л. 465 об.].

Стоит отметить, что местные представители политических партий (анархистов, эсеров) неоднократно выражали желание использовать стены университета в качестве места для собраний, однако правление университета обыкновенно отклоняло эти просьбы [Там же. Л. 200].

Политизация населения города, в том числе и студенчества, носила закономерный характер и являлась следствием углубления противоречий в стране, откладывания решения многих важных вопросов. Но это не помешало студентам Томска после очередной сессии, состоявшейся 6 декабря, принять резолюцию «без различия партий», в которой было выражено резкое неприятие «Октябрьского переворота» в Петрограде. В резолюции, в частности, говорилось: «В этот тяжкий момент, подавленное всеми ужасами переживаемых событий, собрание студентов громко заявляет, что оно, не признавая вообще узурпации права народа, откуда бы она не исходила, не признает в этих новоявленных узурпаторах-самодержцах законной власти и будет всемерно бороться с ними» [7. 9 дек.]. В том же месяце «обновленный Совет» Томского университета вслед за студентами выразил свою поддержку Учредительного собрания. Профессора в своем обращении подчеркивали: «Не имея за собой физической силы, но в силу нравственного авторитета, Совет Томского университета заявляет, что недопустимо никакое посягательство на волю Учредительного собрания и призывает всех русских граждан тесно сплотиться на защиту его верховных прав» [2. Л. 359]. Однако уже в начале декабря Исполнительный комитет Томского совета рабочих и солдатских депутатов объявил об установлении советской власти в Томске, приступив к практическому проведению в жизнь декретов СНК РСФСР [21. С. 249], в том числе и в области высшей школы.

Таким образом, можно резюмировать, что слом повседневных практик, изменение условий жизни и быта в университетском сообществе в 1917 г. были связаны с событиями, происходившими в стране, и общей социально-экономической обстановкой. Всплеск общественной активности отразился и на взаимоотношениях преподавателей и студентов. Наступление новой исторической эпохи в перспективе радикально изменило «жизненный мир» университетского сообщества. Многие новые тенденции в практиках взаимоотношений внутри университета, проявившиеся в период революционных событий 1917 г., позднее получили свое развитие в Гражданскую войну и особенно в советскую эпоху 1920-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отчет о состоянии Томского университета за 1916 г. Томск : Типолитография Сибирского тов-ва печатного дела, б.г. 121 с.
2. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 731.
3. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 779.
4. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1915 г. Томск: Типолитография Сибирского тов-ва печатного дела, б.г. 145 с.
5. Березнеговская Л.Н. Из моих воспоминаний. Томск : Чародей, 2001. 208 с.
6. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2013): Биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, Г.И. Мендрина, А.И. Венгеровский, В.В. Новицкий. 2-е изд., испр. и доп. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. Т. 2. 574 с.
7. Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск, 1917.
8. Дневник студента // Музей истории ТГУ.
9. Победа Великого Октября в Сибири (часть I) / под ред. И.М. Разгона. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. 256 с.
10. Зайченко П.А. Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева: очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1960. 478 с.
11. Новая жизнь. Социал-демократическая газета. Томск, 1917.
12. Томск. История города от основания до наших дней / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 432 с.
13. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I: 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 288 с.
14. Новомбергский Н.Я. Об автономии высшей школы // Известия советов студенческих старост г. Томска. Двухнедельный студенческий журнал. 1918. № 1. С. 2–4.
15. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 776.
16. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 747.

17. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 767.
18. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. М. : Школа-Пресс, 1995. 448 с.
19. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 649.
20. Утро Сибири. Газета общественно-экономическая, политическая и литературная. Томск, 1917.
21. Томская область: Исторический очерк / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. 684 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 февраля 2017 г.

THE DAILY LIFE OF THE UNIVERSITY COMMUNITY OF TOMSK DURING THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 416, 160–170.

DOI: 10.17223/15617793/416/24

Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

Aleksey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Keywords: Tomsk; the revolution of 1917; university; everyday life; students and professors.

The article reconstructs the daily life of the university community of Tomsk during the revolutionary events of 1917 by the materials of archival documents, periodical press, sources of personal origin and the research literature. It is noted that the changes in everyday university life had begun even earlier and were connected with the First World War: financing problems, a number of professors' and instructors' missions to the army, military quarters in the buildings of the university and in its campus, fuel and electricity shortages, the introduction of accelerated training of doctors. The reaction of students and professors of Tomsk University to the event of the February revolution, as well as to the Bolsheviks' coming to power, is shown. The process of democratization of the University by creating a council of monitors and younger teachers union is considered as well as its influence on the relations between the professors, on the one hand, and professors and students, on the other hand, which manifested itself not only in the struggle for representation of the latter in the Council, departmental meetings and other structures, but also in the course of the conflict between the professors of the Law Faculty. It is noted that even before the official decision of the Ministry of Education on the question of participation of students and junior teachers in the administrative structures of universities, Tomsk University Council admitted their representatives to the faculty meetings in an advisory capacity. Factors are noted that impacted the high social activity of students and junior teachers. The preparation for the opening of new faculties and how it affected the life of the University, the composition of students and professors are observed. In particular, the activities of the university administration to free the main building, the student dormitory and part of the clinics from the military quarters, to do repair works are considered. The financial and living conditions of students and faculty members are shown; the role and place of the university in the public life of the city and participation of its representatives in various public events (elections to local authorities and the Constituent Assembly, delegating to the Local Council and others) are determined. It is concluded that the change in everyday practices, life and living conditions in the university community in 1917 was connected with the events that took place in the country. The increase in the public activity reflected in the relationship between professors and students. The advent of a new historical epoch in perspective radically changed the "life-world" of the university community. However, many new trends in the practices of relationships within the University, which appeared during the revolutionary events of 1917, were later developed in the years of the Civil War and especially in the Soviet era of the 1920s.

REFERENCES

1. Tomsk State University. (n.d.) *Otchet o sostoyanii Tomskogo universiteta za 1916 g.* [Report on the state of Tomsk University for 1916]. Tomsk: Tipolitografiya Sibirskogo tov-va pechatnogo dela.
2. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 731. (In Russian).
3. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 779. (In Russian).
4. Tomsk State University. (n.d.) *Otchet o sostoyanii Tomskogo universiteta za 1915 g.* [Report on the state of Tomsk University for 1915]. Tomsk: Tipolitografiya Sibirskogo tov-va pechatnogo dela.
5. Bereznegovskaya, L.N. (2001) *Iz moikh vospominaniy* [From my memories]. Tomsk: Charodey.
6. Fominykh, S.S. et al. (2014) *Professora meditsinskogo fakul'teta Imperatorskogo (gosudarstvennogo) Tomskogo universiteta – Tomskogo meditsinskogo instituta – Sibirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta (1878–2013): Biograficheskii slovar'* [Professors of the Medical Faculty of the Imperial (State) Tomsk Medical Institute – Siberian State Medical University (1878–2013): A Biographical Dictionary]. 2nd ed. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
7. *Sibirskaya zhizn'*. (1917).
8. TSU History Museum. *Dnevnik studenta* [Diary of a student].
9. Razgon, I.M. (ed.) (1987) *Pobeda Velikogo Oktyabrya v Sibiri (chast' I)* [Victory of the Great October Revolution in Siberia (Part I)]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Zaychenko, P.A. (1960) *Tomskiy gosudarstvennyy universitet im. V.V. Kuybysheva: ocherki po istorii pervogo sibirskogo universiteta za 75 let* [Tomsk State University n.a. V.V. Kuibyshev: essays on the history of the first Siberian University for 75 years]. Tomsk: Tomsk State University.
11. *Novaya zhizn'*. (1917).
12. Dmitrienko, N.M. (1999) *Tomsk. Istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dney* [Tomsk. History of the city from the foundation to our days]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Fominykh, S.S. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskii slovar'* [Professors of Tomsk University. A Biographical dictionary]. Vol. I: 1888–1917. Tomsk: Tomsk State University.
14. Novombergskiy, N.Ya. (1918) Ob avtonomii vysshey shkoly [On the autonomy of higher school]. *Izvestiya sovetoov studencheskikh starost g. Tomsk*. 1. pp. 2–4.
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 776. (In Russian).
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 747. (In Russian).
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 767. (In Russian).
18. Gessen, S.I. (1995) *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnyuyu filosofiyu* [Fundamentals of pedagogy. Introduction to applied philosophy]. Moscow: Shkola-Press.
19. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 649. (In Russian).
20. *Utro Sibiri*. (1917).
21. Zinov'ev, V.P. (ed.) (1994) *Tomskaya oblast': Istoricheskiy ocherk* [Tomsk Oblast: A Historical Sketch]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 09 February 2017